

Артистическая сфера быстро меняется, и, хотя внешне она кажется яркой и блестящей, за кулисами скрывается много неизвестной боли.

Жизнь действительно тяжела.

Видя, что время еще раннее, Линь Юань решил сразу отправиться в больницу навестить маму. Перед уходом Ань Жань напомнила ему:

— Ты отдохни в Шанхае один день. В ближайшие дни должны определить точное время съемок рекламы, у тебя еще несколько брендовых мероприятий, — она немного замедлила речь, — некоторые из них в Пекине.

Услышав слово «Пекин», глаза А Юаня слегка покраснели. Он понимал, что имела в виду Ань Жань, и через некоторое время медленно сказал:

— Я понял.

— Кайфань очень занят, А Юань, будь осторожен, нельзя, чтобы тебя сфотографировали, понял? — в глазах Ань Жань была забота, она держала в руках папку с документами, и ее голос был спокоен. — Кайфань связался с лучшим специалистом по болезням почек в Пекине для тети Сун. Когда ты поедешь в Пекин, он, вероятно, обсудит это с тобой. Но, учитывая твое мнение, он сказал, что не будет настаивать.

Услышав это, Линь Юань с трудом сдерживал эмоции, его голос был тяжелым:

— Хорошо, спасибо.

Ань Жань смотрела на него с тихим спокойствием:

— А Юань, не благодари меня, благодари Кайфана.

Телефон в кармане слегка завибрировал. Линь Юань достал его и увидел сообщение от мамы. Она знала, что он сегодня возвращается в Шанхай, и отправила несколько стикеров.

А Юань смотрел на них, и его взгляд затуманился. Он не мог объяснить, что чувствовал.

Свет за окном был таким ленивым и радостным, что ему хотелось просто разрыдаться в весеннем ветру.

Свет постепенно становился мягче, на дороге растягивались тени разной длины. Дети играли на тротуаре, а вокруг них стояли несколько родителей.

Это был момент радости в ритме города.

Ань Жань проводила его до выхода из компании, машина Чэн Вэя ждала неподалеку. Перед тем как сесть в машину, Ань Жань не удержалась и остановила Линь Юаня. Закат освещал ее лицо, делая его необычайно мягким:

— А Юань, мне нужно поговорить с тобой о нескольких вещах.

Весенний ветер был прохладным, и они отошли в сторону, чтобы укрыться от ветра. Ань Жань начала говорить:

— Возможно, другие будут говорить тебе пожелания успеха, но я должна быть готова к

худшему. Я наблюдала за тобой и Кайфанем все эти годы, и я знаю, как много боли и трудностей вы прошли. А Юань, я просто хочу напомнить тебе одно: в будущем —

Она замолчала, взгляд ее скользнул через тонированное стекло на кофейню напротив, где дверной колокольчик слегка покачивался. Ей стало немного жалко:

— Сейчас лучшее время, но и худшее. А Юань, делай все возможное в работе, а в остальном, если не случится чего-то неожиданного, я больше не буду вмешиваться. В пределах моих возможностей я постараюсь устранить любые негативные слухи. Только помни, что ты должен быть готов к любому исходу.

Эти слова были сказаны мягко и тактично, выходя за рамки того, что обычно говорит менеджер, больше напоминая совет заботливого друга.

В самый трудный период жизни Линь Юаня никто не поддерживал его так, как Ань Жань.

Человеческие отношения сложны. Ань Жань должна была зарабатывать деньги для компании, сохранять свою работу, защищать интересы артиста и остерегаться грязных методов руководства. Ее положение требовало от нее баланса между выгодой и чувствами, и она должна была находить тонкую грань между ними.

Сначала она яростно противилась тому, чтобы А Юань влюбился в Кайфана, даже противостояла ему, боясь, что все закончится ничем, и А Юань снова пострадает.

Для айдола влюбиться — это уже смертный грех, а тем более, если он влюбился в мужчину. Как ей было не волноваться?

Но теперь она поняла чувства Кайфана и осознала, что А Юань тоже не может без него.

Они были как вода и рыба.

Ань Жань даже думала, что только смерть сможет их разлучить.

Как менеджер, она, конечно, не хотела, чтобы А Юань стал объектом скандалов. Но как друг, который прошел с ним через все, как она могла продолжать мешать? Она больше, чем кто-либо, хотела, чтобы А Юань был счастлив и снова стал тем веселым человеком, каким был раньше.

Теперь она понимала, что только Кайфань мог это сделать.

Иногда, в тишине, Ань Жань вспоминала слова А Юаня: «Что толку от одной любви?»

Любовь без защиты, без брони, ничего не стоит, она только затягивает в водоворот эмоций и делает человека беспомощным.

Глядя на теплый и яркий взгляд Ань Жань, Линь Юань почувствовал сложную гамму эмоций. Он постепенно понимал, что некоторые чувства не могут быть полностью ненавистью или чистой благодарностью.

Даже если интересы и эмоции переплетаются и борются друг с другом, они не могут преодолеть мягкость сердца.

Линь Юань был чутким человеком и понимал, на что намекала Ань Жань. Его голос звучал спокойно:

— Я доволен.

Честно говоря, он лучше всех знал, как Кайфань к нему относится. Каким бы трудным ни было будущее, он был готов пройти через все.

Потому что Кайфань этого стоит.

Что бы ни случилось, он должен научиться доверять Кайфаню, не боясь, как раньше, стать для него обузой. Если он будет выполнять свои обязанности, то сможет ответить ему взаимностью и не подведет его помощь.

Любить открыто, честно и благородно.

Ань Жань обернулась, ее волосы доходили до плеч, кончики слегка завивались, и она выглядела очень мягкой:

— Иди, проведи больше времени с мамой.

— Хорошо.

Пока худощавая фигура А Юаня исчезала за дверью, Ань Жань продолжала смотреть. Микроавтобус медленно тронулся, асфальт был черным, контрастируя с белой линией посередине. Дорога казалась чистой, солнце клонилось к закату, как в тот день много лет назад, когда она впервые встретила А Юаня.

Машина быстро доехала до больницы, и под присмотром мамы А Юань съел две большие порции риса и выпил суп из ребрышек с корнем лотоса.

А Юань осмотрел руки мамы и заметил, что они слегка опухли. Он начал медленно массировать их, чтобы ей стало немного легче. Он уже поговорил с лечащим врачом о состоянии мамы, и, к счастью, болезнь не прогрессировала, все было под контролем.

Мать и сын наконец смогли побыть вместе, и Сун Ваншу спросила:

— А Юань, ты все еще занят?

А Юань ответил:

— Только закончил съемки фильма, теперь основное внимание будет на шоу и рекламе, другие проекты еще обсуждаются.

Сун Ваншу с облегчением вздохнула, ее глаза стали мягче:

— Должно быть, это легче, чем на съемочной площадке?

А Юань кивнул:

— На съемках всегда много работы.

Тут Сун Ваншу не удержалась и спросила:

— Почему в прошлый раз Кайфань ответил на видео, ты же был на съемках...

А Юань смущенно опустил голову, в его голосе была легкая досада:

— Вы же не предупредили, что позвоните.

Он вдруг замолчал, вспомнив, как тогда разозлил Кайфана, и почувствовал себя виноватым.

— Ты сам сказал, что у тебя выходной. Что, мне нужно заранее запрашивать разрешение, чтобы позвонить своему сыну? — Сун Ваншу недовольно посмотрела на А Юаня, уголки ее губ опустились.

— Ладно, ладно, это моя вина.

Сун Ваншу ткнула его в нос:

— Ты просто отмахиваешься!

А Юань невольно улыбнулся:

— Я же искренне!

Видя, как сын оживляется при упоминании Кайфана, сердце Сун Ваншу смягчилось, и в ее голосе появилась легкая укоризна:

— Скажите мне, вы уже взрослые, зачем ссориться, почему не можете быть вместе?

Сердце А Юаня дрогнуло, он вспомнил, что мама не знала настоящей причины их разрыва с Кайфанем. Он боялся, что, если она узнает правду, ей будет еще больнее, и намеренно отвернулся:

— Сейчас все хорошо, не так ли?

— А Юань?

— Да?

— Будь с Кайфанем в ладу. Он приходил ко мне в прошлый раз, плакал так... сердце разрывалось, — Сун Ваншу с трудом сдерживала слезы, через некоторое время успокоилась. — Он хороший парень, видно, что все эти годы он не отпускал тебя.

Глаза А Юаня покраснели, он смотрел на белое одеяло и молчал.

— Почему молчишь?

А Юань поспешно вытер слезы:

— Не знаю, что сказать.

— Ты что, с кем-то другим? Почему ему так плохо? — Сун Ваншу гладила волосы сына, в сердце ее поднималась теплая волна нежности, а в голосе звучала мягкая укоризна. — Тогда я тебя точно не прощу!